

ГЛАВА 27. ЛИНЫЦЗЯНСЯН

Ян Ихай едва успел вернуться на холм и присесть, как показался Юй Чуцю. Вид у него был прискорбный: бедняга тащил целую охапку изящных вышитых мешочков-ладанок.

Су Цзычуань, завидев это сокровище, так и ахнула. Она выхватила один мешочек и принялась вертеть его в руках, разглядывая со всех сторон.

— Ох... — протянула она. — А деревенские девчухи-то мастерицы. Какая тонкая работа!

Затем она лукаво взглянула на Юй Чуцю и съязвила:

— Ну и чары у вас, господин Юй! Столько трофеев за один раз. Если решите взять в жены лишь одну, остальным бедняжкам останется только в море топиться в порядке очереди? Хи-хи...

Юй Чуцю всю дорогу твердил себе: «Зависть — удел ничтожных людей! Мы с Ихаем — братья, чья дружба крепче стали, и нельзя позволять любовным делам разрушить эту связь». Но от насмешек Су Цзычуань ему всё равно стало невыносимо обидно.

Впрочем, Юй Чуцю по натуре был человеком мягким и незлобивым. Он лишь с неловким видом свалил все ладанки в объятия Ян Ихая, уселся рядом и буркнул:

— Те сборщицы чая велели «обязательно» передать это тебе!

Ян Ихай, украдкой наблюдая за его лицом, с деланным безразличием взял один мешочек и вскинул брови:

— Странно. Откуда им знать, что мы знакомы?

Юй Чуцю промолчал. Подперев щеку рукой, он подобрал камешек и принялся чертить на земле круги.

Ян Ихай, сверкнув белозубой улыбкой, небрежно отбросил ладанку в сторону. Пользуясь моментом, он приобнял друга за плечо и, не упуская случая «полапать» его, принялся утешать:

— Ну-ну, Чуцю, не стоит вешаться на первом же дереве! Попробуй хотя бы на соседних разок-другой. Эти деревенские простушки просто лишены вкуса. Такому благородному и начитанному книжнику, как ты, стоит поискать себе пару в городе.

Услышав это, Юй Чуцю мгновенно приободрился. Он вскинул голову, и надежда озарила его лицо:

— Правда?

И вот они уже погрузились в свой уютный мирок на двоих: обмениваются взглядами, ведут безмолвную беседу душ... Они даже не заметили, что Су Цзычуань всё это время сидит прямо у них за спиной.

— Кхм-кхм... — Су Цзычуань вытаращилась на них, напомнив о себе.

Ян Ихай тут же в испуге отпрянул от Юй Чуцю, страшно смутившись.

Су Цзычуань многозначительно поиграла бровями:

— Брат Ян, ты ведь обещал меня научить. Неужели забыл?

Простодушный Юй Чуцю с недоумением обернулся:

— Чему научить?

Ян Ихай поспешно вставил:

— Прямо сейчас и научу. Как я мог забыть? Ха-ха! Скажешь тоже — будто я совсем безответственный.

Он бросил взгляд на далекую ферму, затем на Су Цзычуань и, немного подумав, произнес:

— Ты всё-таки девушка, тебе не стоит практиковаться самой. Давай так: я покажу на примере, а ты мотай на ус.

Сказав это, он еще раз посмотрел на гору ладанок и самодовольно ухмыльнулся. Напоследок он выразительно посмотрел на Юй Чуцю, словно говоря:

«Чуцю, не ревнуй. Видишь, как я популярен? Покоряю всех: и старых, и малых, и мужчин, и женщин! Что же поделать? Господь наградил меня такой несравненной красотой и грацией, что родился я в лихую годину — точно стал бы „роковой красоткой“, из-за которой рушатся царства.

Играть чувствами в смутное время, вертеть императорами разных стран... Мужчины жаждут пасть к моим ногам, женщины сходят с ума от зависти!

Эх... Обладать таким сокровищем, как я — верным и преданным красавцем — великая честь для такого провинциала, как ты...

А ты, дурень книжный, смеешь меня не любить?! Тебе эти глупые деревенщины милее?!»

Распаляясь от собственных мыслей, Ян Ихай в сердцах зашагал к ферме на склоне холма.

Су Цзычуань, точно заговорщица, потянула Юй Чуцю за рукав. Они притаились в густых зарослях полыни в человеческий рост, осторожно раздвинули стебли и принялись наблюдать.

— Зачем нам прятаться? — не понимал Юй Чуцю.

Су Цзычуань провела «разведку» и, убедившись, что Ян Ихай уже близко к постройкам, внезапно прижала Юй Чуцю к земле и принялась бесцеремонно шарить у него за пазухой.

— В целях безопасности! — прошептала она. — Господин Юй, одолжите-ка ваш блокнот.

Послышался шорох одежды.

Раздался глухой звук падения.

— Ты... Цзычуань, мужчина и женщина не должны... как ты можешь?! — Юй Чуцю не знал, то ли бежать, то ли отпихиваться. Придавленный к земле, он густо покраснел и в смятении отвернулся.

К несчастью, Су Цзычуань было не до него. Выудив заветную книжицу, она снова приникла к траве, заняв идеальную позицию для наблюдения, и принялась строчить заметки...

На ферме кипела работа: юноши укладывали солому в стога. Их молодые, крепкие тела так и пылали здоровьем. Годы труда на земле окрасили их кожу в густой пшеничный загар.

Под лучами полуденного солнца рельефные мышцы блестели от пота, точно смазанные маслом. Изнывая от жары, большинство парней скинули рубахи. Они сверкали белозубыми улыбками, их звонкие, открытые голоса разносились далеко по округе — во всём облике сквозила простодушная мужская сила.

Ян Ихай остановился у ворот. Заходить он не спешил. Притаившись за створкой, он в своей манерной манере грыз платочек, извиваясь всем телом и не решаясь сделать шаг.

«О боги, они выглядят... такими свирепыми! А я, нежная красавица... Неужели я добровольно иду в лапы к этим тиграм? Это же смертельно опасно!»

Один из парней отложил вилы, вытер пот и подошел к бамбуковому столу у ворот, чтобы напиться. Случайно он заметил воровато озирающегося Ян Ихая.

— Стук! — парень с грохотом поставил чашку и в два счета оказался у ворот. Прежде чем Ян Ихай успел дать деру, его крепко схватили и втащили во двор.

Тот принялся картинно «сопротивляться» и вопить:

— Оставьте меня! Пустите! Я мужчина! Если тронете хоть волосок на моем теле, мой Чуцю вам этого не простит!

Парень помрачнел и уже занес кулак, чтобы проучить наглеца ударом в живот, но стоило им встретиться взглядами, как он замешкался. Занесенный кулак превратился в увесистую пощечину.

Наблюдавшие с холма Су Цзычуань и Юй Чуцю вздрогнули. Юй Чуцю вскочил как ошпаренный.

— Цзычуань! Чему такому ты просила его научить?! Почему его бьют?!

Су Цзычуань тоже помрачнела. Она сжимала в руках блокнот Юй Чуцю, в котором до сих пор не было записано ни единого слова.

А на ферме тем временем шло бурное обсуждение.

Получив пощечину, Ян Ихай заметно притих. Он еще пытался брыкаться, но послушно шел за парнем на всеобщее обозрение.

— Эй, Дигоу! Опять отлыниваешь? — хохотнул другой работяга, но, заметив гостя, удивился: — Это еще кто?

— Пёс его знает. Прятался у ворот, морда вороватая, а как меня увидел — сигануть решил. Вот я его и сгрёб.

Услышав это, крестьяне бросили работу. Все уставились на Ян Ихая — его сверлили взглядами так, будто он был воришка-рецидивист.

От такого недоброго внимания Ян Ихай вдруг залился краской. Он затрепетал всем телом от «страха» и робко посмотрел на толпу.

Самый крепкий детина, отложив серп, задумчиво почесал подбородок:

— Он что, больной? Что за взгляд такой... похотливый? Впервые вижу, чтобы мужик на меня так смотрел. Я уж грешным делом подумал, что я девица, на которую положил глаз старый развратник!

— Ха-ха! — поддакнул рослый парень. — Не я один, значит, это почуял.

— Погодите-ка! А не тот ли это хлыщ, что крутился под деревом и строил глазки моей сестре?

— Точно он! Рожа та же! Еще и припёрся сюда — смерти ищет! А ну, всыпьте ему!

При этих словах толпа вскипела.

Юнец помоложе схватил Ян Ихая за шиворот и прошипел:

— Так это ты! Моя сестренка из-за тебя совсем голову потеряла! И не надейся, мы с Ланьлань с детства помолвлены, я её тебе не отдам!

«!!!» — Ян Ихая было нечего ответить. Он лишь отчаянно мотал головой и махал руками.

«Да я Чуцю люблю, дубина! Сдалась мне твоя деревенская невеста! Да я её даже с доплатой не возьму!»

Парень, видя перед собой лишь хрупкого слабака, еще больше разъярился и замахнулся для удара.

— А-а-а-а-а!!! — Ян Ихай зажмурился от ужаса, размахивая надушенным платком.

— Стойте!

Глухой звук удара.

Ян Ихай не открывал глаз. Он пощупал лицо — не болит? Осторожно открыв глаза, он увидел ошеломленного парня, который смотрел куда-то вниз. Ян Ихай посмотрел туда же...

На земле, содрогаясь всем телом, лежал Юй Чуцю. Его губа была разбита, по подбородку текла алая струйка крови. На глазах, обрамленных длинными ресницами, выступили слезы боли. Волосы рассыпались по плечам, лента съехала набок — вид у него был одновременно жалкий и удивительно притягательный.

Парень никак не ожидал, что кто-то выскочит и подставится под кулак. Видя этот невинный, полный упрямства взгляд, он вдруг растерялся и... густо покраснел.

Ян Ихай замер. Стиснув зубы, он дождался момента, когда противник потеряет бдительность, и с силой обрушил на него ответный удар. Сцепившись в мертвой хватке, они покатались по земле.

— Ах ты ж выродок! Как ты посмел ударить Чуцю?! Я убью тебя!!

Удары сыпались один за другим.

— Перестань! Ихай! Со мной всё в порядке, не надо!

Юй Чуцю, не успев даже утереть кровь, бросился их разнимать. Попытка не удалась: он тут же получил случайный удар и лишился чувств.

Последним, что он услышал перед тем, как провалиться во тьму, был детский голосок:

— Господин Юй! Дядя, зачем ты его ударил? Дядя...

Юй Чуцю пришел в себя только вечером.

Он обнаружил, что лежит в своей постели. Ян Ихай сидел рядом и осторожно промокивал его разбитую губу мокрым полотенцем.

Увидев, что друг открыл глаза, Ян Ихай облегченно улыбнулся. Он выглядел раскаявшимся. Он ласково убрал прядь волос со лба Юй Чуцю, не находя слов.

Тот попытался приподняться, но Ян Ихай мягко, но настойчиво уложил его обратно. Юй Чуцю заметил, что, кроме небольшой припухлости на правой щеке, у друга не было ни царапины. Он искренне удивился:

— Ихай, ты сам-то не пострадал? Ох... — от попытки заговорить рана на губе отозвалась резкой болью.

— Я цел. Лежи смирно, — Ян Ихай горько усмехнулся.

«Роль нежного юноши... как она располагает к издевательствам... как она должна вызывать жалость... Почему же я... У-у-у... Как обидно! Неужели я и впрямь... непризнанный гений

боевых искусств? Прирожденный мастер мордобоя? Чуцю впервые за всё время проявил такую заботу, а я даже не поранился толком! Будь оно всё проклято! Жизнь — та еще шутница, вечно она меня обламывает!»

В тот же вечер в доме Ван Мяомяо, одной из учениц Юй Чуцю, творилось нечто невообразимое.

Шестилетняя девочка сидела за столом. Она уже отложила кисть и убрала тетрадки с домашним заданием. Подперев подбородок, она во все глаза смотрела на толпу родственников-мужчин, заполнивших комнату.

Один молодец с живописными синяками на физиономии заискивающе улыбнулся:

— Мяомяо, тот человек, что приходил сегодня днем... он правда твой учитель?

— Да. Господин Юй очень добрый, — честно ответила девочка.

— Хе-хе... — другой парень потер руки. — Мяомяо, давай завтра дядя проводит тебя в школу?

— С какой стати ты?! — возмутился третий, отпихивая конкурента. — Я провожу!

— А может, я завтра тебя заберу, а? — влез «синяк».

— Ты же говорил, что любишь только Ланьлань! А ну, прочь!

— Плевать! Господин Юй куда краше!

— Ого! А того Ян-трансвестита ты уже не боишься? Он же дерется как бес! Я в жизни такого не видел! Говорят, он у господина Юя живет.

Дверь с грохотом распахнулась. Все обернулись...

На пороге стояла толпа местных девчат. С предвкушающими ухмылками они хором провозгласили:

— Мяомяо, давай мы будем водить тебя в школу!